

Глаз

Софья Ролдугина

ФАНТАСТИКА

Проблемы начались, когда Айзек нашел на обочине глаз.

В тот день погода была жуткая. Атлантический циклон завалил город снегом, трамваи и автобусы встали, люди бросали автомобили у подножья холмов и к домам шли пешком. Айзек тоже после двух неудачных попыток решил не испытывать судьбу — загнал свою «ностру» на подземную стоянку при супермаркете, затянул шнуры на капюшоне и пополз наверх, сгибаясь пополам от встречного ветра.

Где-то на полпути, за табачной лавкой, дорога превратилась в узкую, едва расчищенную тропинку между тридцатисантиметровыми сугробами. Перчаток не было, пальцы околели, и руки пришлось сунуть в карманы. Айзек уже и не следил, куда наступает, когда вдруг под ногу попало что-то круглое, скользкое.

Конечно, не удержал равновесия.

Конечно, упал, напоролся спиной на какой-то штырь — к счастью, не смертельно, но в глазах ненадолго потемнело от острой боли.

И конечно, из карманов выпали ключи и бумажник. Пока Айзек искал их, случайно нашарил в снежной каше и то самое — круглое, скользкое на ощупь — стеклянное. Машинально прихватил с собой, вместе с ключами и прочей мелочевкой. И только дома вытер, как следует разглядел — и чуть коньки не отбросил.

— Матерь Божья! Так это ж глаз!

Глаз был очень красивым, темно-синим и совершенно точно женским — только женщины могут смотреть так уязвимо и требовательно одновременно. Время от времени он моргал, затягиваясь черной пленкой, и тогда нарисованные ресницы щекотали Айзеку ладонь прямо как настоящие. Капли воды от растаявшего снега были точь-в-точь будто слезы.

— Самайн же вроде, — пробормотал Айзек, рассматривая глаз, потерянно моргающий на ковре. — На Самайн всегда разное случается. Почему нет. Почему нет...

Сначала глаз перекочевал с ковра на комод, потом — во внутренний карман Айзековой куртки. Иногда он щекотно ворочался и теплел, как живой, но когда Айзек доставал его и смотрел на него, то моргал все так же беспомощно и требовательно.

Так Самайн прошел, а глаз остался.

Постепенно снег расчистили, заново пустили троллейбусы, а потом витрины и фонарные столбы увили рождественскими гирляндами, и вечера стали светлее. Айзек чаще возвращался с работы пешком — мимо переполненных кофеен, дышащих в морозные сумерки ванилью и горячим шоколадом, мимо стендов, зазывающих на тотальные распродажи, мимо безразличных пластиковых Санта-Клаусов, мимо бездомных собак, потрошащих мусорные баки за университетской столовой, мимо захрясшего в пробках шоссе — линия алых огней по одной полосе, белых — по другой. И постепенно Айзек начал за-

мечать странные вещи... точнее, странные не сами по себе, а из-за их концентрации на единицу площади.

Сначала это был просто мусор. Фантики от арахисовых батончиков, консервные банки, смерзшаяся жвачка, окурки и пластиковые пакеты — такого добра в любом городе много, но обычно в глаза оно не бросается, распиханное по контейнерам и урнам. А тут вся дорога оказалась усыпана разной дрянью, как будто дворники вымерли. Срезая путь через парк, Айзек даже остановился у детской площадки — не выдержал и сгреб вонючий хлам в одну кучу, а потом долго и брезгливо оттирал ботинки в сугробе.

Настроение в тот вечер было ни к черту.

Затем появились и другие странности. Трещины в сияющих витринах; провалившиеся крыши в библиотеке и музее; детские игрушки и разорванные книги, неряшливо сваленные во дворе почти каждого дома; заброшенные автомобили, занесенные снегом едва ли не целиком...

Однажды Айзеку показалось, что вечернее небо тоже иссечено трещинами — еле заметными, но глубокими, как в толстом слое льда. Цвета вдоль них были немного ярче, точно свет отражался от сколов и разбивался радугой, а из глубины тарасилась мгла.

Самая тоска была в том, что люди вокруг словно и не замечали ничего. Нервы у Айзека сдали, когда однажды он увидел, как две девчонки-официантки из пиццерии напротив стоят посреди улицы по щиколотку в мусоре. Та, что посимпатичнее, блондинка в коричневых лакированных сапогах, топталась прямо по старой кукле. Фарфоровая голова хрустела под каблуком, как свежий наст, и осколки путались в искусственных кудряшках и обрывках голубого платья. Девушка переступила с ноги на ногу, и из-под каблука выкатился стеклянный глаз — почти такой же, как тот, что лежал у Айзека дома, в кармане куртки.

После этого гулять вечерами расхотелось.

Он стал больше ездить на машине, а когда не получалось — уходил с работы позже, после того как улицы становились безлюдными. Сами по себе кучи хлама не так уж и раздражали — к ним можно было привыкнуть.

Иногда, если усталость не слишком душила, Айзек отправлялся на уборку. Обычно ближе к ночи, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из соседей. В преддверии Рождества света хватало — перемигивались гирлянды с заборов и фасадов домов, город у подножья холма сверкал рекламой. Айзек надевал рукавицы, брал пакеты для мусора и выходил на улицу. Собирал все подряд, попутно сортируя — фантики и жвачки в один мешок, книги — в другой, игрушки — в третий, железный хлам, не поддающийся опознанию, — в четвертый. Он сам не знал, зачем делает это, но после каждой такой уборки из груди исчезал противный скользкий комок — на время, конечно.

Мусор Айзек потом распихивал по бакам, а игрушки и книги приносил домой. Работы хватало на все выходные — подклеить корешки, кое-где подновить обложки, заштопать

кукольные платья и распоротые заячьи бока, отмыть румяные фарфоровые лица, расчесать спутанные кудри... Синий глаз довольно жмурился с серванта и, кажется, одобрял. Починенные вещи Айзек тайком разносил по всему городу; что-то оставлял у дверей детской больницы или у библиотеки, иногда наугад сажал игрушки на порог чьего-нибудь дома. Небольшое кукольное семейство в потертом английском твиде, оставленное у калитки соседей, на следующий день расположилось уже на подоконнике, в уютном тепле, и разглядывало заснеженную улицу нарисованными глазами.

Ночные вылазки становились все дольше. Иногда Айзек брал с собой термос с имбирным чаем и устраивал небольшие перерывы во время уборки — присаживался на чей-нибудь забор, грелся и глазел на пустой город.

Тогда-то он и начал замечать их — «арестантов».

Первого он принял за припозднившегося прохожего. Мало ли кто и куда может идти ночью по городу? Длинное пальто черно-белой арестантской расцветки подметало обочину, высокий воротник почти целиком скрывал лицо. Проходя мимо Айзека, незнакомец не удивился ни грязным рукавицам, ни большим черным мешкам, наспех сложенным у забора, — наоборот, кивнул, как старому знакомому, и слегка приподнял шляпу в знак приветствия. Айзек машинально ответил тем же и только потом сообразил, что ему показалось неправильным.

Иглы и ножницы.

Иглы были заткнуты за рукав — сверкающей стальной полоской, как в наборе для шитья, Айзек уже рассмотрел на такие, выбирая инструменты для своей «мастерской выходного дня».

Ножницы торчали из кармана — шесть или восемь, судя по количеству ручек.

Станный прохожий надолго запал в память. Айзек думал о нем целую неделю, до следующего вторника, пока не повстречал второго такого же. На сей раз в веселую черно-белую полоску были комбинезон и шарф. Из нагрудного кармана так же торчали разнокалиберные ножницы, а вокруг пояса, как пулеметная лента, был обмотан ремень с кармашками для катушек и швейных игл.

Айзек в этот момент пытался отодрать от асфальта намертво примерзшего плюшевого кенгуру. Задние лапы попали в лужу, а накануне ударили морозы, и теперь игрушке грозило остаться без солидного куска плюша.

— Помочь? — хрипло спросил человек в комбинезоне. Шарф, намотанный до самого носа, и низко надвинутое кепи не давали толком разглядеть лица, но, судя по голосу и прядям рыжих волос, это был совсем молодой парень — может, даже студент. — С ними так часто случается, особенно зимой.

— И что делать? — Айзек уставился на нежданного собеседника, дыша на озябшие пальцы. — Может, за кипятком домой сбежать?

Парень качнул головой.

— Не надо.

Он присел на корточки, достал из кармана ножницы и принялся методично и аккуратно сбивать лед. Кое-где приходилось долбить прямо по ткани, но парень умудрился нигде не прорвать ветхий плюш. Кенгуру извлекли практически целым и невредимым, а потом торжественно усадили на самый большой мешок — любоваться городом. Парень убрал ножницы и натянул на покрасневшие пальцы рукава, чтоб хоть немного согреться.

Айзек спохватился и полез в сумку за термосом. Горячий чай исходил густым паром, а имбиря было столько, что горло продирало после каждого глотка, как от крепкого

алкоголя. Пить из одной крышки с незнакомцами Айзеку раньше не приходилось, но сейчас все вышло настолько естественно, словно он каждую ночь это делал.

Только разговор не клеился.

Допив чай и согревшись, парень махнул рукой, замотал получше шарф и зашагал вниз по улице. Снег той ночью не шел, и видимость была прекрасная; Айзек некоторое время наблюдал за парнем, пока тот не остановился тремя улицами ниже, у табачной лавки, и начал что-то то ли рисовать на стене, то ли соскребать с нее... От пристального разглядывания у Айзека вскоре заслезилась глаза, и он вернулся к своей работе. Хлама по обочинам оставалось еще предостаточно.

А на следующий день Айзек, проходя мимо табачной лавки, заметил, что с боковой стены исчезла здоровенная трещина. Раньше через нее было видно, как продавщица внутри листает учебники, пока нет клиентов, а теперь стена стала целой, будто новая. Только вдоль того места, где раньше змеилась трещина, шли мелкие, аккуратные стежки.

После этого Айзек стал искать людей в полосатой одежде уже специально. Он бродил с мешками не только по окрестным улицам, но и забирался в соседние кварталы. Там хлама было гораздо больше, но и «арестанты» встречались чаще. Выглядели они по-разному. Мужчины и женщины всех возрастов, от стариков до школьников, и объединяло их только одно — черно-белые полоски и швейные принадлежности. «Арестанты» принимали помощь Айзека как должное и сами помогали ему иногда, а он наблюдал за ними — и чувствовал, что медленно сходит с ума.

В ночь на двенадцатое декабря черно-белые собрались на площади перед библиотекой целой толпой, человек пятнадцать наверное. Был среди них и рыжий парень в комбинезоне. «Арестанты» откуда-то притащили гигантские, в три этажа, стремянки и расставили вокруг библиотеки, взобрались на них и принялись тянуть что-то — Айзек никак не мог разглядеть что. А потом проваленная крыша вдруг начала выпрямляться с хрустом и треском, как обледеневший купол сломанного зонтика. Черепичные полотнища хлопали на ветру, словно куски брезента. Рыжий парень тогда заметил Айзека, глазающего с видом идиота, окликнул его и попросил подержать стремянку, а сам вдруг пополз по крыше вдоль разрыва, орудия здоровенной иглой как заправский сапожник. Ближе к утру от огромного разрыва не осталось и следа; парень скатился по крыше обратно к стремянке, спустился, молча пожал Айзеку руку, и все начали расходиться. Через несколько минут остался только сам Айзек — в грязных рукавицах и с пустыми черными мешками для мусора.

Промаявшись на работе весь день, на следующие две недели он взял отпуск, вплоть до Рождества.

По ночам Айзек все так же бродил по округе, днем чинил книги и игрушки — сколько мог. На соседних улицах хлама уже почти не было, да и в ближайших районах стало почище. Но с того самого раза «арестанты» словно избегали Айзека — или случайным образом перестали попадаться навстречу. Он маялся, как от гриппа, и с каждой прогулкой заходил дальше и дальше, наворачивая круги по окрестностям. Сторожил «арестантов» у самых больших трещин, одну даже попытался заштопать сам, но то ли иглы были неправильные, то ли нитки, однако трещина так никуда и не делась.

И вот однажды, уже под самое Рождество, возвращаясь из больницы с пустыми руками, Айзек заметил на дороге перед своим домом девчонку в полосатых чулках и в платье

с длинными рукавами. Она была босая, но, кажется, ей это не доставляло никаких неудобств, даже в снегопад, на морозе. Ножницы и катушки ниток валялись рядом в беспорядке, а сама девчонка сидела, низко склонившись над чем-то.

Айзек недолго поколебался, но потом стянул рукавицы, распихал их по карманам и направился к «арестантке».

— Э-э... Привет.

— Привет, — буркнула она недовольно. — Отойди, фонарь загораживаешь.

— Сейчас. — Айзек послушно отступил в сторону. — Э-э... тебе не холодно?

— Есть немножко.

Волосы, заплетенные в небрежную косу, свесились через плечо и подметали асфальт. Они были красновато-каштановые и жесткие, почти как у тех кукол в твиде, которых Айзек подкинул соседям.

— Хочешь, чаю налью? У меня осталось в термосе.

— Хочу. — Девчонка на секунду замерла. — Только вот доделаю работу...

Айзек облизнул пересохшие губы. Было слегка нервно. Или не слегка.

— А... а что ты делаешь?

— Штопаю кошку.

Айзека прошибло холодным потом.

— Кошку?

— Ну да, — сосредоточенно ответила девчонка. — Ее утром сбила машина. А кошка красивая, совсем новая. Жалко.

— Э-э... — Айзек присел на корточки рядом с «арестанткой». — Игрушечная кошка?

— Не-а. Настоящая.

Кошка, которую девчонка штопала, действительно была как настоящая. Свалывшаяся от снега серая шерсть, стеклянно застывшие желтые глазищи, неестественно вывернутая и закороченная лапа, кровавые подтеки... Айзек, подавив в себе тошноту, принялся чересчур тщательно заниматься термосом. Расстегнул сумку, вытащил термос, открутил крышку, налил чай, вытер капли с горлышка рукавом, выпил чай, протер крышку снегом, завинтил.

— Все, готово! — Голос у девчонки был исключительно довольный.

Она убрала иглу и нитки в карман платья и на секунду прижала мертвую, закороченную до деревянного состояния кошку к себе. Подышала на нее, почесала за ухом, чмокнула в окровавленный нос... И вдруг кошка недовольно зажмурилась и принялась вырываться из слишком крепких объятий — сперва вяло, а потом все активнее и активнее, пока наконец не съездила девчонке лапой по щеке, не выскользнула на дорогу и не убежала, отряхиваясь по пути от снега. «Арестантка» царापине, кажется, только обрадовалась.

— Во злющая! И красивая, да?

— Кто?

Вопрос застал Айзека врасплох.

— Кошка.

— Да.

— Жалко ее было... — со вздохом сказала девчонка и улынулась: — Слушай, ты мне ведь чай обещал, да?

У «арестантки» были красивые синие кукольные глаза, фарфоровая кожа и теплая, человеческая улыбка.

Айзек механически отвинтил крышку термоса и налил еще чаю. Чай был уже не таким горячим, но пар все же шел. Девчонка выхлебала свою порцию в один глоток и попросила еще, а пока Айзек разливал — разглядывала его руки.

— Ну-ка дай, посмотрю.

Он едва успел отставить крышку и термос, когда девчонка схватила его за руку и потянула на себя, а потом бесцеремонно — и больно — развернула к свету, к фонарю.

— Да-а... — протянула она, трогая холодными пальцами грубую ладонь Айзека, едва зажившие следы от укулов швейных иголок и порезов от ножниц. — И давно ты занимаешься починкой?

— Почти два месяца.

— С Самайна?!

— Попозже начал.

— Плохо, — резюмировала девчонка и огляделась по сторонам, наконец отпустив руки Айзека. — То есть хорошо, что ты кругом прибрался, но для тебя — плохо. Скажи, а ты случайно не находил ничего необычного? Ну, незадолго до...

Айзек сразу понял, о чем речь, — ведь ответ был прямо перед ним, на фарфорово-белом лице.

— Глаз. Я нашел ярко-синий глаз. Тогда, давно, когда город завалило снегом. Атлантический циклон...

— А... Ясно. — Она растерянно тронула ножницы. В ее голосе появились неожиданно ласковые нотки. — Тогда все ясно, — повторила она, почему-то избегая глядеть на Айзека. — Слушай, ты ведь недалеко живешь? Сбегай за глазом, хорошо?

Отказаться Айзек не смог — просто язык к гортани присох при одной мысли об этом.

Дома было холодно и темно. Айзек забыл включить отопление, уходя на свою ночную вылазку, но заметил это только сейчас. Как и скопившуюся пыль на комод, и посуду — в раковине. В стенах, конечно, не было трещин, да и сломанные игрушки нигде не валялись, но в целом дом сейчас куда больше напоминал выставшую пустую улицу, чем место, где живут люди.

Глаз нашелся быстро — он лежал там же, где его оставили, в вазочке на серванте, мигал себе и мигал, грустно и понимающе. На этот раз Айзек не рискнул сунуть глаз в карман — нес в руке, и от нарисованных ресниц было слегка щекотно.

— Ну точно, — вздохнула девчонка, когда Айзек показал ей глаз. — Это его наверняка. Вот же растяпа... Пойдем, вернем глаз хозяину.

Айзек послушно встал и закинул на спину рюкзак. Руки и ноги словно онемели.

— Слушай... когда я его отдам, то перестану... видеть?

Вопрос звучал по-дурацки, но девчонка поняла.

— Не совсем. И не сразу. Может, до равноденствия еще продержишься, ты ведь долго его у себя хранил... Эй, ну не грусти, это же к лучшему.

Девчонка пихнула его локтем в бок, и Айзек только тогда понял, что они уже долгое время идут по незнакомой улице. Кусок памяти словно ножницами вырезали. Вокруг валялось много хлама, очень — не только книги и игрушки, но и машины, и какая-то бытовая техника... Пару раз Айзек заметил что-то похожее на человека, но ему хотелось верить, что это была всего лишь ростовая кукла или манекен.

— Скажи, все это, куклы и вещи... они откуда?

— Отовсюду, — передернула плечами «арестантка». Платье липло у нее к коленкам, как наэлектризованное. — Что-то выбрасывают, что-то забывают — так хорошо забывают, что оно проваливается оттуда сюда. Ну, ты знаешь, как это бывает. Дети вырастают, и все такое.

— А кошка?..

— Кошку, наверно, тоже выбросили. Но вообще иногда это происходит случайно. Когда что-то уже не нужно там, но

ФАНТАСТИКА

и сюда этому чему-то рановато... Да ладно, сам поймешь когда-нибудь. Или нет.

Они некоторое время молчали и просто шли. Айзек хотел спросить что-нибудь еще, но тут девчонка заговорила сама, очень тихо:

— Слушай, ну... а у тебя есть что-нибудь важное? Или кто-то? Девушка?

— С весны вроде бы нет, — сознался Айзек. Сейчас это уже не казалось трагедией. — Ушла к другу. Моему.

— Значит, друга у тебя теперь тоже нет?

— Ну да. Бывает.

— Конечно, бывает... А семья?

— Нет.

Айзек сказал, как отрезал.

— Ясно... — пробормотала девчонка и уткнулась взглядом в дорогу. — А у тебя есть... Впрочем, ясно, что нет. То-то и оно... то-то и оно...

— Ты о чем?

Айзеку стало уже не тревожно — тягостно. Как во сне, когда хочется проснуться, но не выходит. Фонари перемигивались желтым и синевато-белым, освещая груды хлама и битые автомобили, а вдоль дороги тянулась глубокая трещина.

— Да так, ни о чем. Мы уже пришли, кстати.

Они остановились перед большим старым домом. Он весь был в разломах и не разваливался на части, кажется, только из-за грубых ниток, стягивающих края трещин. От калитки к порогу стелился вытертый красный ковер, а через щель в двери сочился мягкий, теплый свет.

Девчонка пихнула ногой дверь и бесцеремонно шагнула через порог. Айзек ожидал увидеть что угодно, кого угодно... только не того рыжего парня в комбинезоне, старательно штопающего потрепанного игрушечного медведя.

Парень обернулся с интересом, но тут же заскучал и плотнее подоткнул шарф.

— А, это ты. Помочь пришла? Я думал, ты по живым.

— Я думала, ты по игрушкам, — едко передразнила она его и отобрала у Айзека синий глаз. — Ничего не терял?

— Вроде нет.

— А это?

И она небрежно бросила ему глаз, как мячик для пинг-понга.

Парень вскочил на ноги и в невозможном прыжке поймал его — у самого пола. Потом подбежал к окну, блестящему, как зеркало, повернул кепку козырьком назад, поднес руку к лицу, ойкнул... Когда он развернулся, то смотрел на Айзека и девчонку уже двумя глазами — кукольно синими, кукольно томными и лукавыми.

Парень моргнул.

Айзек рефлекторно сжал кулак, чувствуя иллюзорное щекотание нарисованных ресниц.

— А теперь, правда, лучше видно! — обрадовался парень. — Нет, серьезно, я думал, что все, конец теперь... Ты молодец! А это кто? — Он ткнул в Айзека пальцем.

— Тебе лучше знать, — пожала плечами «арестантка». — Твоя ведь работа.

Он сощурился, недоверчиво моргнул.

— О, точно. Должны быть такие аккуратные стежки, я старался... Так это у тебя был мой глаз? Спасибо! — И он горячо потряс руку Айзека. — Тогда такая метель была, я все время лицо тер, тер, уронил, стал искать, а нашел тебя, и вот... Спасибо!

Парень еще долго рассыпался бы в благодарностях, но девчонка решительно отстранила его:

— Не надо. Ему еще домой возвращаться, а это, сам понимаешь, тяжело... Пойдем. Я отведу.

Обратную дорогу Айзек запомнил плохо — или, вернее, не запомнил вообще. Девчонка крепко держала его за руку, но все остальное плыло, как в бреду. В память врезалась только страшная черная трещина, рассекающая небо от горизонта до горизонта.

У калитки дома девчонка выпустила руку Айзека и вздохнула:

— Всё. Дальше сам. Не пугайся — сначала сложно будет, но потом сообразишь, что к чему... И напросись на Рождество к кому-нибудь в гости, что ли. Мы проследим, чтобы тебя позвали.

Она улыбнулась и потрепала его по щеке — белой, фарфоровой рукой.

Айзек как будто от сна очнулся.

— Погоди... А я еще встречу тебя? Или не тебя, но кого-нибудь из ваших?

— Ты? — Она наклонила голову набок, и тяжелая коса мотнулась через плечо. — Да, конечно. Ты — обязательно встретишь, ведь у тебя хорошие руки... Только нескоро.

Девчонка заставила Айзека наклониться, привстала на цыпочки и поцеловала его в лоб холодными, кукольными губами с запахом имбиря.

— Как тебя зовут?

— Айзек.

— Возвращайся домой, Айзек. Спасибо тебе за все.

А дома было пусто, холодно и темно.

Первым делом Айзек включил отопление. Потом прошелся с мокрой тряпкой по всему дому, безжалостно смывая пыль и грязь. Разогрел в духовке пиццу. Зачем-то позвонил домой напарнице с работы, выслушал массу нелестного о людях, которые трезвонят в пять утра, и с облегчением извинился, пообещав все объяснить завтра. Да-да, завтра, в канун Рождества, в офисе.

Конечно, он туда придет. Почему нет?

Позже, в ванной, Айзек долго стоял под горячей водой, а потом разглядывал спину в мутном зеркале. От спины до поясницы, конечно, тянулся еле заметный шов. Очень-очень аккуратные стежки. Айзек медленно выдохнул и закрутил воду.

— Завтра, — произнес громко, — завтра все будет по-другому.

Но подумал, что штопать игрушки и клеить книги некоторое время продолжит. В конце концов, видеть всякое Айзек будет еще до равноденствия. А кукла сказала, что у него хорошие руки.

